

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ

РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И КОНГРЕССЫ В ТРОППАУ И ЛАЙБАХЕ

А.В. Чернов

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Россия, Москва, 117198

В статье рассмотрен процесс подготовки и проведения конгрессов в Троппау и Лайбахе. На основе широкого круга дипломатических документов выясняется позиция стран-участников конгрессов и реконструируется ход дипломатических переговоров. Проведенное исследование позволило уточнить значение конгрессов для российской внешней политики первой четверти XIX в. и международных отношений в целом.

Ключевые слова: международные отношения, революция, Александр I, И.А. Каподистрия, право вмешательства, система коллективной безопасности

Введение

Обоснование темы и обзор литературы. Конгрессы в Троппау (1820 г.) и Лайбахе (1821 г.), в ходе которых был принят «принцип вмешательства», предрешивший судьбу европейских революций начала 1820-х гг., несмотря на свое значение для международных отношений не получили достаточного освещения как в отечественной, так и в зарубежной историографии (1). В ходе конгрессов наметился распад Пентархии (так назывался международный союз пяти держав, образовавшийся по окончании наполеоновских войн), кроме того, решения конгресса вновь законсервировали раздробленность Италии и Германии, а также определили политическое развитие ряда

европейских государств. Наиболее полным исследованием хода конгрессов являются исторические справки, помещенные в приложениях к XI тому сборника «Внешняя политика России XIX – начала XX в.» (2). Последние представляют собой самостоятельные исследования, основанные на широком круге архивных источников. Однако они не исчерпывают собой тему исследования конгрессов, кроме того, выводы авторов не бесспорны и не удовлетворяют современному состоянию исторической науки.

И.А. Каподистрия, один из членов российской делегации на международных конгрессах, играл значительную роль на этих форумах. Традиционно в историографии его представляют как противника «принципа вмешательства», провозглашенного якобы К. Меттернихом и впоследствии поддержанного Александром I (3). Однако позиция российской делегации и лично Каподистрии представляется более сложной. Для ее уточнения необходимо обратиться к рассмотрению периода подготовки к конгрессам и хода переговоров в Троппау и Лайбахе.

Цели и задачи. В данной статье предполагается уточнить позицию российского правительства в ходе подготовки и проведения конгрессов в Троппау и Лайбахе и на основе этого определить значение конгрессов для внешней политики России и международных отношений в целом. Для этого будет проведен всесторонний анализ процесса подготовки и проведения конгрессов; рассмотрены позиции всех стран-участников и ход дипломатических переговоров.

Исследование проблемы

В самом начале 1820 г. в Испании началась военная революция. Первые известия об испанской революции достигли Петербурга 22 февраля (5 марта), а уже 3 (15) марта в депеше российскому послу в Лондоне Х.А. Ливену К.В. Нессельроде передал предложение императора Александра I союзным дворам конфиденциально обсудить ситуацию в Испании. Подобные депеши должны были быть посланы российским дипломатам и при других союзных дворах (4). 19 апреля (1 мая) Петербург направил правительствам Англии, Австрии, Пруссии и Франции уже официальную записку с предложением обменяться мнениями по поводу испанских событий. В тот же день испанскому посланнику при русском дворе была передана нота российского императора, в которой «высказывались надежды, что союзные державы рассмотрят вопрос об Испании и сообщат испанскому правительству свои решения» (5).

Для понимания позиции российского правительства и личной позиции И.А. Каподистрии по вопросу об испанской революции чрезвычайно важна записка последнего императору Александру I от 30 марта (11 апреля). В ней дипломат обобщает свое видение политической ситуации начала 1820 г. и

предлагает меры по возвращению политической ситуации в Европе под контроль великих держав.

Анализируя развитие событий в европейских государствах в 1819 – начале 1820 г., Каподистрия указывает на то, что почти все европейские государства, за исключением Швейцарии и, конечно же, России, вступили на полосу политического кризиса. Причиной этого кризиса статс-секретарь называет влияние «духа времени» и «жестокости и хорошо организованного военного деспотизма, длившегося 30 лет» (6), а также нежелание некоторых государей проводить необходимые преобразования. Однако, обращаясь к мерам, которые должны были стабилизировать политическую ситуацию в Европе, Каподистрия называет не проведение преобразований в «духе времени», а коллективные действия «европейского союза». Так, Каподистрия предлагает созвать конгресс союзных держав, что было предусмотрено аахенскими протоколами от 3 ноября 1818 г. (7). Видимо, именно созыв очередного конгресса должен был стать результатом демаршей, предпринятых российским МИД в марте–апреле 1820 г.

Глава английского внешнеполитического ведомства лорд Каслри отклонил российские предложения. Австрийский канцлер Меттерних также отнесся к этому предложению скептически, однако, опасаясь, что прямой отказ вызовет недовольство Александра I, предложил провести личную встречу австрийского и русского императоров (8).

Такая реакция основных игроков европейского «концерта» объясняется несколькими причинами. Во-первых, Каслри и Меттерних считали, что созыв конгресса будет воспринят европейской общественностью как вмешательство во внутренние дела суверенных стран и вызовет бурю возмущения среди либерально настроенных масс. Во-вторых, для Англии революция в Испании была выгодна, поскольку позволяла британцам игнорировать запрет на торговлю с испанскими колониями в Америке. Наконец, правительства великих держав считали революцию в Испании «неопасной». В частности, Каслри писал, что «Испания... несмотря на произошедшую там революцию, не представляет военной угрозы для Европы...» (9).

Российское правительство во главе с Александром I, включая И.А. Каподистрию, считало всякую революцию угрозой для мира в Европе и, следовательно, считало необходимым бороться с ней в любой из европейских стран, что и продемонстрировало в своей позиции по отношению к революции в Испании.

Прагматичный подход к борьбе с революцией со стороны Австрии проявился, когда 2 июля 1820 г. началась революция в Неаполе.

Венский двор, очевидно, опасавшийся того, что революция в Италии может перекинуться на славянские области «лоскутной империи», немедленно начал военную и дипломатическую подготовку к вооруженной интервенции в Неаполь. Однако австрийцы опасались переходить к активным действиям, не получив согласия на это императора Александра (10), который к тому

времени стал восприниматься как главный защитник системы, установленной договорами 1815 г.

Уже через несколько дней после получения сообщения о революции в Неаполе Меттерних передал российскому посланнику в Вене Ю.А. Головкину предложение о двусторонней встрече российского и австрийского императоров. Австрийский канцлер надеялся, что на встрече монархи смогут договориться об австрийской интервенции в эту итальянскую страну.

Российские дипломаты, верные своей линии, выступили с контрпредложением – созвать конгресс пяти держав для выработки универсальных мер по борьбе с европейскими революциями. 29 июля (10 августа) председатель совета министров Франции А.-Э. Ришелье направил союзникам по Пентархии записку, в которой также предлагал провести совещание для обсуждения политической ситуации в Европе и мер по ее нормализации. Такая активизация Франции во многом связана с тем, что Италия традиционно входила в сферу влияния первой, и тюильрийский двор опасался усиления влияния Австрии на Апеннинском полуострове. Под давлением России и Франции венскому двору пришлось согласиться на созыв конгресса пяти великих держав.

Основная работа по подготовке программы русской делегации на конгрессе, который было решено собрать в октябре в Троппау, легла на плечи И.А. Каподистрии. Эта программа была изложена статс-секретарем русского МИДа в письме А. С. Стурдзе от 23 сентября (5 октября) и записке императору Александру от 5 (17) октября 1820 г. В них Каподистрия настаивает на том, что «союзные дворы должны выступить с оружием в руках против революции», где бы она не произошла (11), и видит одну из главных задач русской делегации на конгрессе в том, чтобы убедить в этом союзников. Другой задачей конгресса дипломат называет выработку универсальных мер по борьбе с революциями в европейских странах. Первым этапом этой борьбы должно было стать «уничтожение власти мятежников» (при этом Каподистрия предлагает сочетать дипломатические и силовые методы) и утверждение ее «на мудрых и оградительных принципах (т.е. введение конституции – *А. Ч.*)» (12). На втором этапе союзники должны создать условия для предотвращения революций в будущем. Каподистрия довольно туманно пишет о том, каким образом можно этого добиться. Российский дипломат настаивает на том, что воплотить «этот великий и благородный замысел можно лишь, выработав кодекс (13)». Имеется в виду некий кодекс международного права. Однако дальнейшего развития данная мысль здесь не получила.

Целью австрийской делегации на конгрессе было получение одобрения союзников на проведение односторонней интервенции. Великобритания поддерживала это предложение венского двора, но, опасаясь негативной реакции общества на насильственные действия, настаивала на том, чтобы интервенция была совершена от имени Австрии, а не союзников. Франция перед началом конгресса, как уже было сказано выше, настаивала на выработке

коллективных мер по борьбе с европейскими революциями. Однако благодаря «хлопотам» Меттерниха, убедившего Ришелье не покидать Франции в дни революционных переворотов в сопредельных странах, Тюильри в Троппау и Лайбахе представляли посол в Петербурге П.-Л. Лафетт и посол в Вене В.-Л. Карман. Последние получили полномочия присоединяться лишь к тем решениям, которые были бы поддержаны остальными четырьмя державами, что при решительном нежелании Англии присоединяться к коллективным действиям фактически сводило их роль к чисто консультативной. Представители Пруссии же были готовы согласиться на любые предложения Австрии.

11 (23) октября 1820 г. открылся конгресс в Троппау. Главными действующими лицами на конгрессе были И.А. Каподистрия и К. Меттерних, которые отстаивали фактически противоположные позиции (одностороннее вмешательство Австрии в неаполитанские дела и разработка коллективных мер по борьбе с революционной опасностью), а также Александр I, за которым оставалось право последнего слова.

На первом же заседании конгресса Меттерних представил записку, обосновывающую право на вмешательство во внутренние дела иных государств для подавления революционных потрясений. 14 (26) и 15 (27) октября 1820 г. между Меттернихом, Каподистрией и Нессельроде прошли конфиденциальные беседы, во время которых австрийский дипломат пытался убедить представителей России поддержать его предложения.

В ходе бесед австрийский дипломат, понимавший, что Россия будет настаивать на выработке общей программы коллективных антиреволюционных мер, представил еще один весьма интересный проект. Речь идет о проекте «гарантийного договора», согласно которому все страны, присоединившиеся к нему, гарантируют сохранение «законной суверенной власти, а также основных относящихся к ней институтов» в каждом из европейских государств (14). Пока власть находится в руках легитимного правительства, оно, согласно проекту, может проводить любые реформы. Однако любые преобразования, введенные в результате революции, признаются незаконными.

Для выработки дальнейших мер австрийский дипломат предлагал закрепить за европейскими державами право собратся на конгресс и обсудить эти меры. В случае если законный монарх признает революционные преобразования, союзные державы оставляли за собой право не признавать их легитимность.

Представители России, в принципе, были согласны с этими предложениями, однако прекрасно понимали, что Англия и Франция не смогут присоединиться к этому проекту в данной ситуации, и предлагали отложить подписание «гарантийного договора» на год-полтора. Кроме того, российские дипломаты настаивали на том, что в договоре должны быть четко прописаны меры по стабилизации положения в Неаполе и общие меры по борьбе с революциями в Европе. За счет юридически точного определения всех

шагов союзников российские дипломаты надеялись, во-первых, строго ограничить действия австрийцев в отношении Неаполя; во-вторых, заставить союзников официально признать необходимость борьбы с революциями в Испании, Португалии «и любой другой стране, которая подверглась бы революционным потрясениям» (15); в-третьих, убедить европейскую общественность, что борьба с революциями имеет своей целью лишь «успокоение Европы», а не удовлетворение амбиций великих держав. Кроме того, российская делегация во главе с Александром I и И.А. Каподистрией настаивала на том, что в документах должен быть пункт о том, что вооруженное вмешательство возможно только тогда, когда все дипломатические методы будут исчерпаны, причем лишь по просьбе легитимного монарха (16). Впоследствии эти предложения лягут в основу Предварительного протокола и дополнений к нему.

28 октября (9 ноября) 1820 г. в Троппау пришли первые сообщения о Восстании Семеновского полка. Традиционно в историографии считается, что эти события оказали решающее влияние на ход конгресса. Якобы, узнав о восстании в подшефном полку, Александр I принял решение поддержать «систему Меттерниха», согласиться на введение «принципа вмешательства» и австрийскую интервенцию в Неаполь и отказаться от поддержки «либеральных» идей И.А. Каподистрии (17). Детальный анализ дипломатических документов показывает, что это не так. Российская делегация и после 9 ноября продолжает действовать в соответствии с курсом, предложенным Каподистрией перед конгрессом.

Меттерних, действительно, пытался убедить Александра ужесточить свой курс в отношении неаполитанских революционеров и согласиться на немедленную интервенцию, однако это не удалось.

2 (14) ноября российские уполномоченные передали Меттерниху записку, в которой весьма жестко и конкретно высказывали свою позицию. Эта записка содержит предложения, выдвинутые Россией ранее. Единственным достижением австрийских дипломатов можно считать согласие России на введение австрийских войск в Неаполь для обеспечения безопасности королевской семьи. Однако эта мера сходна с оставлением оккупационной армии на территории Франции в 1815–1818 г., а Каподистрия не раз указывал на то, что французский сценарий он считает успешным и предпочтительным для разрешения аналогичных ситуаций (18).

7 (19) ноября представители России, Австрии и Пруссии подписали Предварительный протокол и Дополнение к нему.

Как уже было сказано, эти документы были составлены на основе записки российских уполномоченных от 2 (14) ноября. В договоре был зафиксирован алгоритм действий союзных государств в отношении стран, в которых произошла революция. Первым шагом должно было стать исключение последних из союза, а если страны, в которых произошла революция, будут угрожать другим странам-союзницам, то союзники имеют право вмешаться

во внутренние дела этих стран, чтобы восстановить в них легитимную власть. Для этого, в первую очередь, должны были использоваться дипломатические методы, но в том случае, если они не дадут результат, союзники могли прибегнуть к силовым методам. Было решено попытаться добиться возвращения власти легитимному монарху дипломатическими методами. При этом как в случае успеха переговоров, так и в случае их провала австрийская армия должна была оккупировать Неаполь, чтобы обеспечить мир в стране. Союзники обязывали неаполитанского короля провести реформы, необходимые для укрепления королевской власти в стране (19).

На этом официальная работа конгресса была прекращена до получения решений о присоединении или неприсоединении к протоколу Великобритании и Франции и прибытия на конгресс неаполитанского короля Фердинанда I, который должен был стать посредником между союзниками и своими подданными. Также было принято решение о переносе дальнейшей работы конгресса в город, находящийся ближе к границам Италии. Выбор пал на Лайбах, куда и был приглашен Фердинанд I.

В Троппау началась подготовка к конгрессу в Лайбахе. Российские дипломаты пытались убедить Англию и, главным образом, Францию присоединиться к протоколу (20). Первая заняла двойственную позицию: с одной стороны, английское правительство настаивало на необходимости вмешательства союзников в Неаполе, а с другой – отказывалось от подписания каких-либо документов, касающихся этого (21). Такая позиция вновь выявляла прагматизм внешней политики Англии, которая не хотела связывать себя лишними обязательствами. Французское правительство настаивало на том, что союзники имеют право применять лишь дипломатические методы, и отказывалось присоединиться к протоколу (22).

12 (24) декабря в Троппау пришло сообщение, что Фердинанд I принял приглашение союзников и выехал в Лайбах, и союзники приняли решение закрыть заседания конгресса.

30 декабря 1820 г. (11 января 1821 г.) открылся конгресс в Лайбахе. На конгресс, кроме неаполитанского короля, были приглашены представители других итальянских держав. Это можно расценивать как успех российской делегации, поскольку еще перед конгрессом в Аахене И.А. Каподистрия указывал на то, что России выгодно расширение числа участников конгрессов (23). Присутствие представителей итальянских держав, с одной стороны, должно было снять часть ответственности за подавление неаполитанской революции с великих держав, а с другой – ограничить возможность одностороннего вмешательства Австрии во внутренние дела Королевства Обеих Сицилий.

Таким образом, нет причин говорить о том, что Александр I к моменту приезда российской делегации в Лайбах уже был согласен на вооруженную интервенцию (24). Наоборот, одной из главных задач российских полномочных на конгрессе оставалось предотвращение интервенции в Неаполь.

Однако на первом же заседании конгресса Фердинанд I, несмотря на данные неаполитанскому народу клятвы, запросил вооруженную интервенцию с целью подавления революции. Таким образом, были выполнены условия принятия решения об интервенции, заложенные в пункте 5 Предварительного протокола тропанского конгресса. Интервенция оказалась неизбежна, и Россия была вынуждена дать свое формальное согласие на нее. Пруссия и Сардиния также поддержали это решение. Уполномоченные Великобритании и Франции уведомили союзников, что их правительства не могут поддержать интервенцию.

На этом программа конгресса была фактически исчерпана: неаполитанский вопрос был решен, а решительный отказ Англии и Франции поддержать вооруженное вмешательство делал бессмысленными любые попытки подписать какое бы то ни было общее соглашение по поводу совместных антиреволюционных действий. Конгресс в Лайбахе официально был закрыт 14 (26) февраля 1821 г., однако вступление австрийских войск в Королевство Обеих Сицилий послужило поводом для начала 28 февраля (12 марта) революции в Пьемонте. Это событие заставило государей и их представителей задержаться в Лайбахе.

Русская делегация своей задачей считала умиротворение Пьемонта. В письме Г.Д. Мочениго, бывшему в то время посланником в Турине, Каподистрия выражал надежду на то, что оккупация Неаполя убедит революционеров отказаться от своей «безумной затеи» (25). Александр, чтобы оттянуть время, даже приказал выдвинуть из России 100-тысячный корпус, командиром которого был назначен А.П. Ермолов (26). Граф Каподистрия подготовил манифест, который должен был быть провозглашен при вступлении русской армии на территорию Италии (27).

Однако эти приготовления оказались излишни. Уже 8 апреля австрийские войска оккупировали Пьемонт. Кроме того, к этому моменту русской делегации стало не до итальянских дел – в самый разгар пьемонтского кризиса в Лайбах пришло известие о начале греческого восстания. Россия как традиционная покровительница греков не могла остаться в стороне, и греческий вопрос сразу стал важнейшим для русской внешней политики и лично для И.А. Каподистрии.

Выводы

Такова общая канва переговоров на конгрессах в Троппау и Лайбахе. В ходе переговоров российское правительство выступило как наиболее последовательный противник любых революционных выступлений, которые мыслились как угроза европейской стабильности. При этом Россия настаивала на том, что для предотвращения революций и восстановления порядка в странах, где революции все же произошли, должны применяться, в первую очередь, мирные коллективные меры, а вооруженное вмешательство могло

быть допущено только в исключительных случаях. Коллективность действий должна была стать залогом того, что это вмешательство не будет использовано одной или несколькими державами для удовлетворения своих прагматических интересов. Эти коллективные действия должны были проводиться на основе «всеобщего союза» европейских держав, который, по мнению И.А. Каподистрия, фактически сложился в постнаполеоновской Европе на основе договоров 1815–1818 гг.

Создание системы коллективного, в первую очередь, «морального», противодействия революциям было основной целью российского Министерства иностранных дел в период революций начала 1820-х гг., однако в ходе дипломатических прений на конгрессах в Троппау и Лайбахе эта концепция была значительно доработана.

Можно достаточно уверенно говорить о том, что конкретные формы этой «системы коллективной безопасности» были разработаны И.А. Каподистрией. В ходе споров российского статс-секретаря и австрийского канцлера на конгрессе первый сформулировал принцип, согласно которому проектируемая «система коллективной безопасности» могла распространяться только на страны, присоединившиеся к ней. Этот принцип ограничивал деятельность коллективного «жандарма Европы» и приближал международный договор к принципам гражданского права. Кроме того, в ходе дипломатических баталий Каподистрия фактически предложил систему коллективного утверждения легитимности политических реформ, которая должна была стать важным элементом «системы коллективной безопасности» «европейского союза» (28).

Однако реализовать эти планы российскому внешнеполитическому ведомству не удалось. Это было связано как с неблагоприятным развитием обстоятельств (в решающий момент Фердинанд I потребовал от союзников вооруженного вмешательства, а чуть позже началось греческое восстание, которое требовало от России более активной деятельности на восточном направлении), так и с активным противодействием Англии и Австрии. Дипломаты этих великих держав справедливо считали, что создание «европейского союза» ограничит свободу их действий. Этот отход от идеи создания системы «коллективной безопасности», которая приобрела значительную популярность в годы наполеоновских войн и первые послевоенные годы, а также нежелание Франции следовать в русле англо-австрийской политики, привели к фактическому распаду Пентархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Об этом см.: Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография / Под ред. А. Л. Нарочницкого. – М., 1981. – С. 208; Додолев М.А. Венский конгресс в историографии XIX и XX веков. – М., 2000. – С. 227–228.
- (2) Внешняя политика России XIX – начала XX в. (далее ВПР). – М., 1979. – Т. XI. – С. 781–783, прим. 227; С. 794–797, прим. 254; С. 808–810, прим. 301.
- (3) См. напр.: Там же – С. 794–797.

- (4) См.: Там же. – С. 317.
- (5) Там же. – С. 781.
- (6) Там же. – С. 342.
- (7) *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций Россиию с иностранными державами – СПб., 1885. – Т. VII. – С. 313, 317.
- (8) ВПР. Т. XI. – С. 781.
- (9) Там же. – С. 760.
- (10) Там же. – С. 552–553.
- (11) Там же. – С. 545.
- (12) Там же. – С. 531.
- (13) Там же. – С. 547.
- (14) Там же. – С. 789.
- (15) Там же. – С. 570.
- (16) Там же. – С. 570–572, 575–576.
- (17) См. напр.: Там же. – С. 795; *Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. – СПб., 2009. – С. 489–501; 503–505.
- (18) См.: ВПР. Т. XI. – С. 544–547.
- (19) См.: там же. – С. 591–594.
- (20) См.: там же. – С. 617–619; Сборник Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). – СПб., 1886. – Т. 54. – С. 564–568.
- (21) ВПР. Т. XI. – С. 632–635.
- (22) Сб. РИО. Т. 127. – С. 498–500.
- (23) См.: ВПР. Т. X. – С. 423–433.
- (24) Ср.: ВПР. Т. XI. – С. 808.
- (25) ВПР. Т. XII. – С. 60.
- (26) См.: Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. – М., 1991. – С. 371–372.
- (27) См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 3. – Оп. 1 – Ед. хр. 77. – Л. 69–74.
- (28) См.: ВПР. Т. XI. – С. 652–655.

REFERENCES

- (1) *Itogi i zadachi izucheniya vneshney politiki Rossii. Sovetskaya istoriografiya.* [Results and objectives of the study of Russian foreign policy. Soviet historiography]. Ed. by A.L. Narochitskogo. Moscow, 1981, 388 p.; Dodolev M.A. *Venskiy kongress v istoriografii XIX i XX vekov* [The Congress of Vienna in the historiography of XIX and XX centuries]. Moscow, 2000, 254 p.
- (2) *Vneshnjaja politika Rossii XIX i nachala XX veka (VPR)* [Foreign policy of Russia in XIXth century and beginning of XXth century]. Moscow, 1979, vol. 11, 877 p.
- (3) Ibid.
- (4) Ibid.
- (5) Ibid.
- (6) Ibid.
- (7) Martens F. F. *Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossiej s inostrannymi derzhavami* [Collection of Treaties and Conventions concluded by Russia with foreign states]. St Petersburg, 1885, vol. 7, 456 p.
- (8) *Vneshnjaja politika Rossii*, vol. 11.
- (9) Ibid.
- (10) Ibid.

- (11) Ibid.
- (12) Ibid.
- (13) Ibid.
- (14) Ibid.
- (15) Ibid.
- (16) Ibid.
- (17) Ibid.; Andreeva T.V. *Tajnye obshhestva v Rossii v pervoj treti XIX v.* [The secret societies in Russia in first third of XIXth century]. St Petersburg, 2009, 912 p.
- (18) *Vneshnjaja politika Rossii*, vol. 11.
- (19) Ibid.
- (20) Ibid.; *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva (RIO)* [Collection of Russian Historical Society]. St. Petersburg, 1886, vol. 54, 700 p.
- (21) *Vneshnjaja politika Rossii*, vol. 11.
- (22) *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva*, vol. 127, 539 p.
- (23) *Vneshnjaja politika Rossii*, vol. 10.
- (24) Ibid., vol. 11.
- (25) Ibid., vol. 12, 784 p.
- (26) *Zapiski A. P. Ermolova. 1798–1826* [Notes of A. P. Ermolov. 1798–1826]. Moscow, 1991, 436 p.
- (27) Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA), f. 3, op. 1, d. 77, ll. 69–74.
- (28) *Vneshnjaja politika Rossii*, vol. 11.

RUSSIAN FOREIGN POLICY AND CONGRESSES OF TROPPAU AND LAIBACH

A.V. Chernov

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklay Str., 10–2, Russia, Moscow, 117198

The article describes the process of preparation and holding of congresses in Troppau and Laibach. At the beginning of 1820 there was a revolution of Spain. The Russian diplomats headed by Emperor Alexander I and J. Capodistria offered to convene the congress to develop the measures to combat the Spanish revolution. But the British and Austrians opposed that. However when Naples revolution started, Metternich requested permission for the suppression of the rebellion from Alexander I, but Russians insisted on the convocation of the conference. On the congress of Troppau the Russian delegation insisted on the development of the universal measures to the struggle against revolutions that had to be held in a peaceful manner. The Austrians, who sought to the carrying out of one-sided armed intervention in Naples, were forced to agree with the Russian project. The Preliminary protocol was based on this project. On the congress J. Capodistria offered the new version of his project of the “universal union”. When the king of Neapolitan Ferdinand IV arrived to Laibach he immediately demanded the intervention in Naples. The Russian plan failed. Alexander I was forced to agree to the armed intervention.

Key words: international relations, revolution, Alexander I, J. Capodistria, right of intervention, system of collective security.